

Социальная мотивация и типы экономических политик

© 2012 Г.Н. Сарисвили

кандидат экономических наук

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва

E-mail: zeldner@inecon.ru

Рассматриваются проблемы формирования новой экономической политики леволиберального направления.

Ключевые слова: гражданское общество, частные и общественные интересы, экономическая политика, социальная мотивация, исторические циклы, праволиберальная и леволиберальная экономические политики.

Американский мыслитель Артур Шлезингер рассматривал демократический цикл как чередование общественных и частных интересов в истории гражданского общества. В декабре 1939 г. он предсказал, что господствующие в эпоху Ф.Д. Рузвельта либеральные настроения иссякнут примерно к 1947 г.: “Отход от либерализма, который начался в 1947 г., должен прекратиться в 1962 г., возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978 г.” – образец научного прогноза!

По существу, о той же проблеме – цикличности американской истории и достижениях американской демократии – пишет и Лестер У. Туроу в книге “Будущее капитализма”: “За принудительным общественно финансируемым начальным и средним образованием последовали в XIX в. дешевые университеты на бесплатно предоставленной им земле. Гомстед-акт предоставил землю американцам, желавшим двинуться на Запад, не требуя от них за это платы. Железные дороги регулировались, чтобы помешать их собственникам использовать свое монопольное положение, снижая доходы потребителей из среднего класса. Позднее были введены антитрестовские законы, чтобы помешать другим типам монополистов осуществлять свою рыночную власть. Те и другие были капиталисты, действовавшие по правилам “выживания наиболее приспособленных”, которых правительство намеренно ограничивало в применении этих правил. Затем последовало двадцатое столетие с прогрессивным подоходным налогом – богатые должны были платить больше, чем равную долю государственных расходов; выброшенным с работы было предоставлено страхование от безработицы; слишком старым для работы было предоставлено социальное обеспечение; вдовы и сироты получили финансовую помощь. После Второй мировой

войны был придуман закон о помощи военнослужащим, предоставивший бесплатное образование целому поколению американских мужчин. В 60-е гг. были гражданские права, война с бедностью и система социальных квот в пользу меньшинств. В 70-е гг. были программы медицинского страхования для престарелых и для бедных. Средний класс создали демократические правительства, а вовсе не рынок. Такие программы, как закон о помощи военнослужащим, были очень ясным обращением демократии к тем, кто в то или иное время проигрывал в рыночной конкуренции. Эти программы говорили: “Как бы плохо ни обращался с вами капитализм, демократия на вашей стороне. Демократия обеспокоена экономическим неравенством, присущим капитализму, и стремится его уменьшить”.

В докладе известного российского экономиста Ю.Я. Ольсевича “Фундаментальная неопределенность рынка и концепции современного кризиса” (М.: Институт экономики, 2011) дан глубокий и системный обзор концепций современного рынка и его дефектов, создавших ситуацию фундаментальной неопределенности. Отметим важнейшие из них.

Позиция П. Самуэльсона, опубликованная в интервью газете “Die Welt” в январе 2009 г., может быть изложена следующим образом: “Предпосылки кризиса были созданы “глупой” политикой дерегулирования, проводившейся в течение почти трех десятилетий, в ходе которой “по дьявольским проектам” создана искусственно запутанная финансовая система (“карточный домик”), резко углублен разрыв в доходах и извращена система мотиваций для руководства корпораций: вместо ориентации на долговременную эффективность корпорации стали ориентироваться на биржевую конъюнктуру. Все это резко повысило риск для экономики в целом, негативно повлияло на рост производительности и ухудшило социальную ситуацию. Движущие силы этих негативных про-

цессов возглавили политики (Р. Рейган), “экстремисты-теоретики” (М. Фридмен) и новое поколение менеджеров (“выпускники Массачусетского технологического института и Уортонской школы экономики”). Механизм кризиса явилось неожиданное “схлопывание” искусственного “карточного домика” финансовой системы. Причем для Самуэльсона, по-видимому, не имеет значения, что именно послужило исходным толчком, поскольку “карточный домик” рано или поздно все равно должен был рухнуть. Важно то, что этот “домик” держался, пока не иссякло доверие, которое восстановить можно будет, по мнению Самуэльсона, только путем реформ и не ранее 2012 г.”¹.

Английский кейнсианец Роберт Скидельский полагает, что причины кризиса 2008 г. лежат в трех измерениях. “Первым... стало *институциональное*: банки превратились из обслуживающих организаций в казино... Второе измерение кризиса *интеллектуальное*: почти все экономисты верили в способность рынков к саморегулированию. Кризис, однако, отражает и третий аспект: *моральный крах* системы, основанный на задолженности. Основная его причина - культ роста как самоцель, а не как способ достижения более высокого качества жизни. В результате в нашем мышлении и политике приоритетной стала экономическая эффективность - средство достижения роста”. Отсюда же - *интеллектуальная* приверженность “гипотезе об эффективном рынке” и политика дерегулирования. Результатом стало *институциональное* перерождение финансовых рынков².

Для нас важно, что Скидельский прибегает к концепции “непрерывных изменений социальной активности между общественными и частными интересами” А. Шлезингера. В этих циклических изменениях действуют три силы: левые либералы (носители общественных интересов), правые либералы (носители частных интересов) и оппортунисты (коррупционеры). Эти последние дискредитируют и приводят к поражению вначале систему социального регулирования, а затем и приходящую ей на смену консервативную систему свободного рынка³.

По Скидельскому, культ роста - это мораль коррумпированных неоконсерваторов. По существу, Скидельский, в отличие от Шлезингера, признает, что современные “консерваторы”, т.е. правые либералы и коррупционеры (или оппортунисты) - это одно и то же. Но с позиций теории гражданского общества с этим трудно согласиться.

“Рузвельтовская” смена доминирующей элиты получила отражение после Второй мировой войны, считает Ю.Я. Ольсевич, в концепции “революции управляющих” и “нового индустриального общества”. На деле же “центр тяжести” изме-

нений лежал в сфере всепроникающего институционального регулирования хозяйства в послевоенные три десятилетия; эти изменения не получили адекватного отражения в экономической теории, а, если быть более точным, получили абсолютно неадекватное отражение. Ю.Я. Ольсевич приводит характерную цитату из книги А. Гринспена “Эпоха потрясений”: “Отказ от регулирования экономики был одним из самых славных (и не воспетых пока) достижений администрации президента Форда. Трудно даже представить, какими цепями был опутан американский бизнес в те годы. Авиатранспорт, грузовые автоперевозки, железные дороги, автобусное сообщение, трубопроводы, телефонная связь, телевидение, биржи, финансовые рынки, сберегательные банки, электроэнергетика - все эти отрасли работали в условиях жесткого регулирования. Деятельность компаний осуществлялась под строгим контролем государства, вплоть до мельчайших деталей”⁴.

Иными словами, важнейшие функции капитала-собственности - *распоряжение и использование* - были жестко регламентированы на микроуровне, так что о “свободной конкуренции” не могло быть и речи. В этих условиях “одномоментное” дерегулирование, своего рода “шоковая терапия”, могло бы привести к хаосу, ценовому коллапсу. Но этого не произошло, наоборот, дерегулирование придало импульс росту экономики США, эпохе рейганомии.

Р. Рейганом с самого начала была поставлена задача минимизировать экономические функции государства, прежде всего административный и финансовый контроль над деятельностью корпораций. Дерегулирование, конечно, развязывало инициативу, но при этом обостряло “силовую” конкуренцию, от которой страдали отрасли и слои населения, чьи позиции были исходно слабее. Так, либерализация на транспорте привела к росту тарифов и ухудшению положения наемного персонала, что, естественно, встретило сопротивление. “Кампания по дерегулированию изначально была нацелена на железнодорожный транспорт, грузовые перевозки и авиатранспорт. Несмотря на активное противодействие компаний и профсоюзов, в течение нескольких лет конгресс отменил регулирование во всех трех названных секторах”⁵.

“Вершиной” успехов праволиберальной политики был запрет конгресса на регулирование доходов. В результате разрыв в доходах между средним персоналом и топ-менеджерами в финансовых корпорациях резко вырос. Аналогичная ситуация - в корпорациях реального сектора. Дифференциация на преуспевающее меньшинство и stagnирующее большинство расколола средний класс. Еще хуже то, что сложившаяся система распреде-

ления ориентировала менеджеров и персонал не на повышение эффективности в долгосрочном плане, а на реализацию сиюминутной выгоды, что ослабляло фундамент американской экономики. По Шлезингеру, это издержки политики частных интересов.

Еще раз вернемся к диагностике А. Шлезингера. Праволиберальная политика неограниченной конкуренции и леволиберальная социального регулирования не антиподы. Они циклически меняют друг друга через каждые 15-20 лет. Это институциональная закономерность. Если правые или левые либералы задерживаются у власти, это чревато не только дефектами конкуренции, но и всей системы современного капитализма. Такая задержка создает условия для институционального переворота: появляется фундаментальная неопределенность рынка, у граждан пропадает мотивация к бизнесу, банковские сферы и ТНК занимают доминирующие позиции в обществе, коррупция блокирует всякие изменения.

Сегодня в России блокируется развитие среднего класса и отсутствует мотивация к научному творчеству. Кто будет осваивать новые технологии и производить конкурентоспособную продукцию? Сегодня мы столкнулись с рядом рыночных парадоксов - не работает не востребованная рынок приватизированная собственность, некому приводить в движение громадные государственные инвестиции, нет квалифицированных инженеров, технологов, рабочих. Дефицит профессионального менеджмента только вершина айсберга. Лозунг "Кадры решают все!" приобретает другое, не социалистическое звучание.

Наши младореформаторы во главе с Егором Гайдаром недостаточно глубоко понимали суть движущих сил современного капитализма, так как они были рыночниками-фундаменталистами с ожиданиями, что ценовая шокотерапия породит тот самый саморегулируемый рынок-мечту, который переведет страну, экономику и постсоветское общество на парадигму капиталистического развития. Не получилось и не могло получиться. Потому что современный капитализм и движущие силы современного рынка напрямую связаны с демократией, и логика реформ должна была быть направлена не на перераспределение имущественного комплекса страны, а на создание полноценной модели развития и его главного субъекта - среднего класса. Во всем мире эти преобразования проводятся в так называемый переходный период. Для нашей страны он оказался упущенным периодом.

Но главной ошибкой Е. Гайдара была не шоковая ценовая терапия, а выбор праволиберальной модели экономической политики, кото-

рая не решала задач развития среднего класса и экономического роста. Регулирование рынка было виртуальным - рынка не было, а экономическая политика была в пользу очень богатых, близких к власти людей. Заработать таких денег, как наша властвующая элита, в рамках нормально функционирующего демократического общества нельзя даже в самой успешной экономике. Сегодня сподвижники Гайдара хотят закрепить эту социальную и экономическую несправедливость навсегда, сегодня каждый экономический институт этой псевдолиберальной политики работает против общественного интереса, против выхода из исторической и экономической ловушки, в которую попала Россия.

Непонимание природы современного капитализма и закона циклической смены экономических политик российскими реформаторами 1990-х гг. привело Россию к трагическим ошибкам. Почему Е.Т. Гайдар и его команда навязывали России праволиберальный курс? Это была неудачная имитация власти, очевидно потому, что реформы в России по времени совпали с идеологией рейганизма в США и тэтчеризма в Англии. В этих странах объективно маятник экономической политики качнулся вправо. За последние более чем сто лет, со времен антитрестовских законов Т. Рузвельта до демократических реформ Б. Обамы, гражданское общество США реформировало капитализм, развивая институты демократии, ограничило агрессивность, аморальность и цинизм, присущие капитализму без демократии, обеспечило равенство всех перед законом, независимо от статуса и социального положения. За этот период была создана целая система предпочтений для среднего класса, науки и молодых ученых, всех тех, кто по состоянию здоровья или возрасту не мог принимать участие в капиталистической гонке и побеждать в жесткой конкуренции.

Для страны, не имевшей среднего класса и институтов демократии, выбор в пользу политики частных интересов (обогащайтесь!) без его социальной базы был больше чем шоком - это была политическая и экономическая ошибка, заблокировавшая развитие среднего класса и демократии, сохранившая бывшую номенклатуру во власти, ручное управление экономикой и связанную с ней коррупцию. Вместо нормального переходного периода - двадцать лет цейтнота и господства палитры монополий. Вопросы о смене этой политики альтернативной экономической политикой леволиберального толка у власти пока нет.

А между тем рейтинг наций после Второй мировой войны определялся не локальными ус-

пехами в той или иной области. Мировой рейтинг определяется наличием модели развития. В последние 150-200 лет Россия была страной, где почти непрерывно происходят социально-экономические реформы, в основном по лекалам западного происхождения, но стабильная правополиберальная политика и разрушение общественных интересов с неизбежным постоянством возвращали страну и общество на круги своя. Впрочем, какие-то цивилизационные крохи от этих реформ великодушно оставляли народу.

На рубеже 1980-1990-х гг. в западных странах в основном сложились новая модель и инфраструктура современного развития, выбранные гражданским обществом. Главным регулятором циклического развития успешных экономик стало не государство с классом чиновников, а само гражданское общество. Именно оно регулировало смену основных типов экономической политики - правополиберальную и левополиберальную. Граждане голосуют на выборах за неотложную смену экономической политики, потому что в противном случае страну ждет застой, стагнация. Политическая конкуренция выполняет здесь свою важнейшую экономическую функцию - сохраняет и повышает ресурсы конкурентоспособности страны, дает императив развития.

Гражданское общество не только выступает главным регулятором экономических политик и институтов - оно формирует модель развития, базовые движущие силы экономического роста.

Надо осознать простую истину, что модель развития нельзя создать по указу президента или кадровыми назначениями правительства. Это итог эволюции, конкурентного отбора, который производят институты гражданского общества.

Сегодня надо заново отстроить современную модель развития и отказаться от изживших себя правополиберальных догм, которые обслуживают власть, но не переводят страну в новое качество. В реальной истории России правополиберальные инструменты регулирования понадобятся лет через 20-25. Это научный прогноз. Сейчас наступило время левополиберальной политики, ориентированной на создание рыночных механизмов развития, а не виртуального рынка и больших финансовых потоков для самых богатых. Новый курс откроет двери для среднего класса и инновационной экономики. Труд, творческий труд по-прежнему отец богатства и личного успеха. Капитализм неравных возможностей в нашей стране, где высоко ценят справедливость, не имеет перспектив.

¹ *Ольсевич Ю.Я.* Фундаментальная определенность рынка и концепция современного кризиса. М., 2012. С. 24.

² Там же.

³ Автор не разделяет взглядов на либерализм Ю.Я. Ольсевича, который не различает левого и правого оттенков в либерализме. Президент Б. Обама не просто либерал - он левый либерал.

⁴ *Ольсевич Ю.Я.* Указ. соч. С. 32.

⁵ Там же. С. 37.

Поступила в редакцию 01.08.2012 г.